

ARTYKUŁY

Екатерина Локтевич

(Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

**О реализации принципов неклассической поэтики
в субъектной организации белорусской лирики начала XX века
(на материале поэзии А. Пашкевич, А. Гаруна, Я. Купалы)**

Своеобразие развития белорусской литературы на рубеже XIX-XX в. обусловлено исторически и определяется, с одной стороны, стремлением белорусов к национальной независимости и духовной консолидации, а с другой, – взаимодействием возрождавшейся культуры Беларуси с художественно-эстетическим наследием России и Польши, Украины и Литвы. Специфика сложившейся культурно-исторической ситуации способствовала расширению представлений творческой интеллигенции о возможных путях обновления словесного искусства. В.М. Казберук пишет, что в начале XX в. белорусская литература не отгораживалась от мира¹, напротив, тесное взаимодействие европейских литератур создавало «глебу для дальнейших ідэйна-творчых пошукаў і здзяйсненняў»². Поэты и писатели, считает П.В. Васюченко, «пачалі разглядаць праблемы, звязаныя з беларускім нацыянальным адраджэннем, скрозь прызму універсальнасці, а нацыянальную драму Беларусі ўбачылі як частку сусветнай драмы»³. Таким образом, лирическое произведение не только становится национальным достоянием, обладающим самоценностью, но и

¹ Известно, что на рубеже веков произведения белорусских авторов были опубликованы во многих странах: «В конце XIX – начале XX вв. на белорусском языке был издан ряд произведений за рубежом. [...] В 1881 г. в Женеве была напечатана брошюра С. Подолинского “Про богатство и бедность”. В 1892 г. в Тильзите вышла брошюра “Дядька Антон, или Беседа обо всем, что болит, а почему болит – не знаем”. В 1903 г. в Лондоне увидели свет три брошюры: “Беседа о том, куда мужицкие деньги идут”, “Кто правдивый приятель бедного народа”, “Как сделать, чтобы людям стало хорошо на свете”» (Петр Чигринов, *Очерки истории Беларуси*, Минск 2000, с.253).

² Уладзімір Казбярук, *Ступені росту*, Мінск 1974, с.91.

³ Пётр Васючэнка, *Беларуская літаратура XX стагоддзя і сімвалізм*, Мінск 2004, с.112.

образует культурдиалогическое пространство на уровне субъектно-образной структуры поэтического текста. Это во многом объясняет использование в белорусской лирике данного периода таких принципов неканонической поэтики как художественный синтез, уникальность, неосинкретизм, амбивалентность символизации, теургическое самосознание, неорелигиозное переосмысление бытия.

Так, Н.И. Миценчук в монографии *Русская и белорусская литературы XIX-XX столетий: жанрово-стилевой аспект, вопросы взаимодействия* отмечает, что символизм в белорусской литературе в большей степени, чем, например, в русской и польской, был связан с реалистическими традициями и фольклором. Это, по мнению исследователя, является специфической особенностью белорусской литературы начала XX в. и показателем стремительного «процесса субъективизации»⁴. И.Э. Богданович указывает на слиянность художественно-эстетического и общественно-политического статусов белорусской литературы начала XX в., на наличие в ней «рафінавана выяўленых асобных стылевых форм і кірункаў (класіцысцка-асветніцкіх, рамантычных, рэалістычных, сімвалісцкіх, імпрэсіянісцкіх, неарамантычных і інш.)»⁵. На наш взгляд, реализация такого художественного синтеза детально обнаруживается в процессе анализа субъектной организации поэзии. Изучение субъектного статуса лирического героя, смены диалогических установок в прямо-оценочной и косвенно-оценочной точках зрения помогают выявить причины перехода в белорусской лирике начала XX в. от одного типа художественного сознания к другому.

Новые эстетические ориентиры декларировались в «Нашай Ніве», сыгравшей важную роль в деле формирования национального самосознания белорусов, развития белорусского языка и культуры, в белорусском национальном возрождении. Трудности человеческого бытия и пути к возрождению демонстрировала лирика Тётки (А. Пашкевич), А. Гаруна, М. Горецкого, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича и других поэтов. Для М. Богдановича, например, творческой задачей стало возвеличивание всех граней красоты, объединивших фольклорные представления о прекрасном с новым пониманием ее сущности. А. Гарун, Я. Купала, А. Павлович в своей лирике не только восхищаются родной природой, но и поднимают сложные философские вопросы о мироустройстве и роли человека в совершенствовании мира посредством духовного обновления. О поэте как посреднике между Богом и людьми пишут Тётка, А. Гарун, М. Богданович, К. Буйло.

Белорусская литература начала XX в. по-новому исследует механизмы бытия и инобытия, поэтому уникальность субъектной организации лирики рас-

⁴ Николай Миценчук, *Русская и белорусская литературы XIX-XX столетий: жанрово-стилевой аспект, вопросы взаимодействия*, Брест 2005, с.24.

⁵ Ірына Багдановіч, *Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння*, Мінск 2001, с.194-195.

уравнивающего), представленных в различных вариациях субъектно-объектных отношений. Это согласуется с пониманием *эпохи художественной модальности*¹⁰ как периода, в котором личность воспринимается не как монологическое единство, а как множественность. Данная установка неклассической литературы способствовала зарождению такого типа субъектных отношений, в котором между автором и героем формируется обновленная семантика целостности – *межсубъектная*¹¹. Тенденция к индивидуализации субъектной организации поэзии и поиск идеальной коммуникативной стратегии позволяют, на наш взгляд, говорить о наличии в лирике начала XX в. феномена¹² *идейно-субъектной пограничности* – нахождении лирического героя на «границе» разных философских и религиозных идей, проявившееся в межсубъектности. Именно идейно-субъектная пограничность, позволившая лирическому герою перевоплощаться в первичных и вторичных субъектов и объектов сознания и речи, создавала почву для внутритекстового многосубъектного диалога. Рассмотрим далее реализацию индивидуально-авторского подхода к субъектной организации в белорусской лирике начала XX в. на примере поэтического творчества Тётки (А. Пашкевич), А. Гаруна и Я. Купалы.

В поэзии Тётки реализуются принципы субъектной организации эпохи синкретизма и эпохи художественной модальности (ее неклассического периода). Идеино-субъектная пограничность в лирике поэта отразила синтез язычества и традиционного христианства. Например, в стихотворении *Музыкант беларускі* представлен тот идеальный синтез, к которому стремится Тётка: авторский план настолько слит с геройным, что возникает ощущение субъектной монолитности; пунктуационное разграничение речи автора и героя отсутствует:

тексте нивелировалась. Переосмысление роли художника слова в процессе создания им произведения уже в середине XX в. привело к рассуждениям о «смерти автора».

¹⁰ Понятие *эпоха художественной модальности* (период с середины XVIII в. по настоящее время), где первый этап – классический (вторая половина XVIII в. – 80-е гг. XIX в.), второй этап – неклассический (конец XIX в. и весь XX в.), которая рождает самостождественного субъекта («я-для-себя») введено в научный оборот С.Н. Бройтманом, опиравшимся в своих исследованиях субъектно-образной структуры лирики на системный анализ типов художественного сознания, представленный в работах А.Н. Веселовского, Ю.М. Лотмана, О.М. Фрейденберг и С.С. Аверинцева. Таким образом, понятие *художественная модальность* семантически восходит к понятиям *личное творчество* (А.Н. Веселовский), *эстетика противопоставлений* (Ю.М. Лотман), *преодоление риторической культуры* (О.М. Фрейденберг), *неотрадиционалистская (неканоническая) поэтика* (С.С. Аверинцев).

¹¹ Подробные выводы в отношении субъектной организации лирики эпохи художественной модальности сделаны С.Н. Бройтманом в *Исторической поэтике* (Самсон Бройтман, *Историческая поэтика*, в: *Теория литературы*. Москва 2008, с.255-258).

¹² Под *феноменом* мы, вслед за М. Хайдеггером, понимаем явление «себя-в-себе-самопоказывающее», которое основывается на изначальной временности земного бытия и имеет реализацию в речевой сфере.

Зайграю на дудцы,
Выгну на гармоні,
Заплачу на скрышцы
Аб мужыцкай долі...
Музыкант галосіць,
Скрыпка не махлюе,
Хутка «хамску» песню
Ўсенек свет пачуе¹³.

Речь в первой строфе принадлежит герою ролевого стихотворения – вторичному (по отношению к автору) субъекту сознания и речи, а во второй строфе речь может принадлежать как герою, так и автору, потому что в ней дается оценка игры музыканта. В стихотворении ощутим непреднамеренный синтез субъектов и объектов (*души, слез, сердца, скрипки, песни, леса*):

Надта ж ужо цяжка,
Душа з гора рвецца,
Слёзы так і льюцца,
Сэрца з болю б'ецца.
Ну і грай жа, *скрыпка*,
Хай ляціць там *песня*,
Або свет пачуе,
Або *душа* трэсне.
Скрыпка хутка плача,
Аж *лес* лямантуе (78).

Представленный синтез отражает единство природы и обожествленного человека-музыканта (творческого духа) посредством искусства. Творчество, согласно религиозно-философским воззрениям Тётки, может зародиться лишь в результате отказа человека от материальных ценностей. Такое мировидение соотносится с основами русской идеалистической философии начала века (в частности, с идеологией Н. Бердяева). Единство природы и человека в лирике Тётки часто представлено фольклорными параллелизмами:

Сонца грэе, сонца грэе,
Паспела пшаніца. // ¹⁴
Ясна пані, добра пані,
Красна маладзіца (88).

Зрительная проекция образов-объектов (*пшеницы* и *девушки*) демонстрирует субъектно-объектный синтез (ВТСО). Автор растворяется в

¹³ Цётка, *Выбраныя творы*. Мінск 2001, с.78-79. В статье стихи Тётки цитируются по данному изданию, при ссылках в скобках указывается страница.

¹⁴ Знаком «//» здесь и далее мы обозначаем параллелизм.

представленных образах, стирая границы природного и человеческого планов. Такого эффекта высший субъект сознания добивается благодаря олицетворению и овеществлению: *зерна пшеницы* называются *спелым сердцем*, *девушка* – *золотым колосом*. Разграничение двух начал становится невозможным и ненужным:

Ой, як табе расці, кветка, / Расці-красаваці,
Калі *гром-пярун* і бура / Могуць ця зламаці. //
Ой, як сэрцу маладому / Задаваць атруту,
Калі *просіць, моліць* шчасця / *Хвіліну, мінуту* (88-89).

Идейная пограничность субъектов (субъект-природа – «гром-пярун» – язычество, субъект-человек – «просіць, моліць» – христианство) также способствует слиянию авторского и героического планов стихотворения. Подчеркивает единство двух типов субъектности семантический повтор «Хвіліну, мінуту».

Тётка не стремилась к мгновенному обновлению принципов субъектной организации эпохи синкретизма, а делала это последовательно, не отказываясь сразу от межсубъектных отношений без жестких границ. Например, большое значение в лирике поэта имеет реализация имманентного синтеза всех четырех природных стихий, образное единство которых иногда присутствует в рамках одного стихотворения (*Мае думкі*):

1. Хацела б быць *зярном пшаніцы*... → *земля*
2. Хацела б быць я *рэчкай* быстрой... → *вода*
3. *Агнём кінець* у дне... → *огонь*
4. Альбо *ветрам* абярнуся (53-54). → *воздух*

В связи с тем, что лирический герой ассоциирует себя с объектами, они выполняют функцию вторичных субъектов сознания. Такое смещение субъектных границ отчетливо выявляет диалогизм поэзии Тётки, основанный на соединении первого и второго типов субъектной организации (ВТСО+ИТСО). Часто герои Тётки посредством молитвенного обращения вступают в диалогические отношения с Богом. Более того, субъект сознания (Бог) в речевой сфере обращается к белорусу, как к родному человеку:

– Ну, ты, – кажа, – сынку, / Прасі, што патрэба,
Усім адарую, / Усё папшлю з неба.
Я хачу, каб, сынку, / Ты больш не мучыўся,
Каб ты быў свабодны, / З горам разлучыўся (56).

Это предельно сокращает границу между всеми субъектами сознания (Богом, мужиком и автором). Именно молитва помогает лирическому герою и герою ролевой лирики (мужу) увидеть свою причастность к Богу, что отвечает требованиям неклассического типа субъектно-объектных отношений и имеет черты иерархического типа субъектной организации (УТСО+ИТСО).

Субъектный неосинтез, представленный в лирике Алеся Гаруна позволяет поэту обозначить свою систему ценностных представлений о месте человека в культурной жизни Беларуси начала XX в. Его лирический герой призывает людей к совершенствованию, показывает идейно-эстетическую сторону бытия и инобытия в привычной для белорусского читателя фольклорной форме:

У гэту ноч мне няўмоч – / Няма сілы чакаць і маліцца...
Каб я ўмеў, каб я смеў / Узляцець, паляцець ці разбіцца!
Як сакол, як арол, / Я падняўся б высока страшэнне,
Я б узяў, я б украў / І сабе і усім адпушчэнне.
Калі ж не, калі б мне / Адпушчэння на небе не далі,
Я б маліў, я б прасіў, / Каб і крыллі мае паламалі¹⁵.

Религиозно-философская концепция стихотворения формируется вокруг центральных языческих и христианских образов-символов (*ночь, молитва, сокол/орел, крылья, покаяние, небо, горы*) посредством эмоциональной семантики повторов и вариаций. Неорелигиозный синтез (единство ВТСО и ИТСО → УТСО) становится тут источником формирования индивидуально-авторской коммуникативной стратегии: лирический герой желает «перевоплотиться» в сокола или в орла¹⁶ с целью не попросить прощения грехов, а самовольно его взять, украсть. Сакрализация субъектом сознания и речи самим себя проявлена также через мотив «жертвенности»:

І тады, наўсягды
Папрашчаўшыся б зь небам, зямлёю,
З гарыні, з вышыні
Паляцеў бы за сьмерцю сваёю (72).

Лирический герой, разочаровавшись в бытии и в инобытии, готов разбиться. В этом порыве обнаруживает себя не столько мотив жертвенности (связь с поэзией романтизма), сколько мотив «примеривания» смерти, что является чертой символистской эстетики – лучше «добрая» смерть, чем невозможность получить желаемое. Духовная раздвоенность становится источником идейно-

¹⁵ Алеся Гарун, *Сэрцам пачуць звон: Паэзія, проза, драматургія, публіцыстыка*. Мінск 1991, с. 72. В статье стихи А. Гаруна цитируются по данному изданию, при ссылках в скобках указывается страница.

¹⁶ Образ орла находим не только в лирике А. Гаруна, но и в поэзии Тётки: «Арлы-брацці, дайце скрыдлы, / Бо ўнізе жыць мне збрыдла, / Кіньце кожны адно пёрка, / Бо жыць ўнізе стала горка» (Тётка: *Выбраныя творы*. Мінск 2001, с. 88). Лирический герой желает «кроў з-пад сэрца людзей піці», но не с целью их убийства, а с целью преобразования их земной жизни. Он хочет таким образом одухотворять, воскрешать и «ўтару ўзнасіці» (в инобытие. – Е.Л.). Символика вечной «нераздельности и неслиянности» духа и материи, бытия и инобытия, неба и земли роднит творчество Тётки и А. Гаруна с произведениями русских поэтов-символистов.

субъектной пограничности в лирике А. Гаруна. С этой точки зрения показательна структура его ролевого стихотворения «Малітва», в котором размываются субъектные границы между автором, лирическим героем и героем ролевой лирики (Иисусом Христом). Библейская тематика произведения интерпретируется высшим субъектом сознания в контексте визионерства, теургического самосознания (ИТСО → УТСО):

*Я бачыў: Сын Яго стаяў / На пушчы і маліўся
І словы ў гневе прамаўляў, / А твар слязьмі абліўся.
– Ах, дай мне, Ойча, моцных слоў! / Маланак слоў палючых,
Бо кроў мая сачыцца зноў / Із ранаў тых балючых...
Дзівіся, Пане, слабы я, / Саўсім не маю сілы;
Гарыць, баліць душа мая, – / О, дай жа моцы, Мілы! (74)*

Налицо субъектный неосинкретизм, который делает невозможным разграничение высшего субъекта сознания (автора), первичного субъекта сознания и речи (лирического героя) и вторичного субъекта сознания и речи (героя ролевой лирики), приобретающего в процессе молитвенного обращения к Богу-Отцу функцию первичного субъекта сознания. Сливаясь с вторичным субъектом сознания, первичный субъект сознания не утрачивает своей идентичности, воплощая «нераздельность и неслиянность» как принцип неклассической поэтики. Автор «обожествляет» героя, наделяет его сакральными возможностями; при этом поэт-богочеловек получает право «судить» людей благодаря творческому одухотворению. Осуждение как антихристианский тезис понимается высшим субъектом сознания в качестве справедливого гнева с последующим наказанием. Такая неорелигиозность (а по своим истокам – тенденция к богоборчеству) как черта неклассической поэтики реализуется в лирике А. Гаруна посредством УТСО и феномена идейно-субъектной пограничности:

*Ах, дай мне, Божа, гэтых слоў, / Зямля б ад іх траслася!
Баляць бо раны мае зноў, / І кроў з іх палілася...
Пашлю тады маланкі ў люд, / Ў бяшчасны той браздзіці,
Блішчэць, яскравець там і тут, / Праўдзівы гней будзіці.
Мільёны кіну перуноў / У тых, каго я знаю,
У тых, маю што сочуць кроў, / У тую чорну зграю (74-75).*

Лирический герой устами героя ролевой лирики побуждает людей к бунту, к праведному (в его понимании) гневу, а тех, кто воспринимается им как враг, он желает уничтожить. Безусловно, в данном контексте стихотворения слышен традиционный для реалистической поэзии призыв к национально-освободительному движению. Однако автор использует образ Христа не столько с целью сакрализации революции, сколько для указания на стремление

лирического героя к самообожению, а это заканчивается тем, что автор и лирический герой «завладевают» (М.М. Бахтин) героем ролевой лирики. Так последовательно функционирует в стихотворении феномен идейно-субъектной пограничности, демонстрируя преобразование иерархического типа субъектной организации в уравнивающий тип.

В отличие от стихотворения *Малітва* А. Гаруна, в стихотворении *Мая малітва* Я. Купалы изначально определен субъект – лирический герой. Субъектная организация тут выстраивается на основе синтеза ВТСО и ИТСО как индивидуально-авторской попытки переосмысления принципов эпохи синкретизма:

Я буду маліцца і сэрцам, і думамі,
Распетаю буду маліцца душой,
Каб чорныя долі з мяцеліцаў шумамі
Ўжо больш не шалелі над роднай зямлёй...
Я буду маліцца да хмараў з грывотамі,
Што дзіка над намі гуляюць не раз,
Каб жаль над гаротнымі мелі бяднотамі,
Градоў, перуноў не ссылалі падчас¹⁷.

С одной стороны, структура стихотворения обнаруживает традиционные для фольклора повторы и анафору «Я буду маліцца», обращение субъекта сознания и речи к природе. С другой стороны, представленная во фразеологической точке зрения сердечная и мысленная молитва «растятой души» – изображение единства *сердца, души и ума* в молитвенном обращении к Богу – свойственна традиционному христианству. При этом синтез язычества и христианства не разрушает концепцию стихотворения (воззвание к сакральным силам с целью избавления от страданий), а показывает переход от одной мировоззренческой позиции к другой, выявляет стремление автора к обновлению принципов субъектной организации белорусской лирики.

Герой Я. Купалы, так же как герои лирики Тётки и А. Гаруна, размышляет о назначении словесного искусства, о наставнической роли поэта. Однако лирический герой Я. Купалы не перевоплощается в *орла* или в *сокола*, он скромный и терпеливый певец:

*Я не сокал зоркавокі,
Не арол адважны,
Што так думна за аблогі
Ўзносіцца з іх кажны.
Нават я не салавейка,
Што няе так слаўна,
А я толькі верабейка,
Ўзрощаны пад Гайнай (30).*

¹⁷ Янка Купала, *Вершы*. Мінск 1988, с.7. В статье стихи Я. Купалы цитируются по данному изданию, при ссылках в скобках указывается страница.

Цель героя – возможность искреннего и доброжелательного диалога с людьми:

Як ён, сеў бы дзе на плоце
І песні чыркаў.
Людцаў родных бы ахвоціў,
К лепшай славе клікаў...
Над магілаю крыж з хаткай
Паставяць мне людзі,
Верабейкава ж дзіцятка
Нада мной пець будзе (30).

В значительной части стихотворений Я. Купалы коммуникативная стратегия демонстрирует иерархический тип субъектной организации: высший субъект сознания (автор) создает такую иерархию субъектов, при которой он является единственным контролирующим началом. Лирический герой не стремится к возвышению над своим Творцом (собственно автором):

Я не паэта, о крыў мяне божа!
Не рвуся я к славе гэткай німала,
Хоць песеньку-думку і высную можа,
Завуся я толькі – Янка Купала.
Славу паэтаў разносяць па свеце,
Вянкі ўскладаюць і звоняць пахвалай,
Я ж ціха йграю, хто ж ціх прымеце?
Ат! Ведама, з вёскі – Янка Купала! (27)

Поэтому и идейно-субъектная пограничность в лирике Я. Купалы носит скорее не системный, а фрагментарный характер и объясняется синтезом языческой и христианской мировоззренческих позиций, составляющим идейно-эстетическую основу творчества поэта:

У караўніцах амшалых
З галавы да ног,
З дзікіх багнаў, перавалаў
Выбрыў чорны бог...
Нопці смоллю разлапушыў,
Нопці-варады,
З гікам пудлівых душы
Гоніць дзе-куды...
Паланейся, развугляйся,
Змейны чорны бог, –
Ты йшчэ з белым не зраўняўся,
Ты яго не змог!.. (75-76)

Поиск путей реализации принципов неклассической поэтики белорусскими поэтами начала XX в. становится явным в процессе анализа микроуровня текста стихотворений. В построении коммуникативных стратегий обнаруживается переход к новому этапу в развитии белорусской лирики: высший субъект сознания (автор) определяет этапы «сближения» или «отдаления» героев друг от друга в пространственной и временной точках зрения, степень и условия их взаимодействия. Различные вариации субъектной организации, представленные в лирике Тётки, А. Гаруна и Я. Купалы основаны на слиянии принципов эпохи синкретизма и эпохи художественной модальности, часто реализующемся в феномене идейно-субъектной пограничности.

Литература

- Ірына Багдановіч, *Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння*, Мінск 2001.
- Самсон Бройтман, *Историческая поэтика*, в: *Теория литературы*. Москва 2008.
- Пётр Васючэнка, *Беларуская літаратура XX стагоддзя і сімвалізм*, Мінск 2004.
- Алесь Гарун, *Сэрцам пачуты звон: Паэзія, проза, драматургія, публіцыстыка*. Мінск 1991.
- Уладзімір Казбярук, *Ступені росту*, Мінск 1974.
- Уладзімір Конан, *Хрысціянскія каштоўнасці беларускай літаратуры*, у: *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа*. Гродна 2008.
- Янка Купала, *Вершы*. Мінск 1988.
- Николай Мищенко, *Русская и белорусская литературы XIX-XX столетий: жанрово-стилевой аспект, вопросы взаимодействия*, Брест 2005.
- Людмила Николаева, *Христианские течения на территории Беларуси в конце XVIII – начале XX в.*, в: *Христианство в исторической судьбе белорусского народа*. Гродно 2007.
- Іван Трацяк, *Поліканфесійны фактар гісторыі ў фарміраванні свядомасці*, у: *Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа*. Гродна 2008.
- Цётка, *Выбраныя творы*. Мінск 2001.
- Петр Чигринов, *Очерки истории Беларуси*, Минск 2000.

Abstract

In article the reasons of an individualization of the subject organization of the Belarusian lyrics of the beginning of the XX century are considered. Priority author's communicative strategy in their communication with the certain type of the subject organization reflecting the principles of functioning of a phenomenon of an ideological and subject pogramichnost are characterized. On the example of poetic creativity A. Pashkevich, A. Garuna and

Ya. Kupala are shown ways and methods of updating of structure of the Belarusian lyrics in the context of poetics of an art modality.

Keywords: subject organization of the lyrics, A. Pashkevich, A. Garun, Ya. Kupala, Belarusian poetry of beginning XX century

Ekaterina Loktevich – pracownik naukowy Państwowego Uniwersytetu Grodzieńskiego im. Janki Kupały.